

Э. Роттердамский, Иоанн Секунд

**Эразм Роттердамский, Иоанн
Секунд**

Литературные памятники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э1

Э1 **Э. Роттердамский**
Эразм Роттердамский, Иоанн Секунд: Литературные памятники / Э. Роттердамский, Иоанн Секунд – М.: Книга по Требованию, 2024. – 324 с.

ISBN 978-5-458-41829-4

В книгу пошли латинские стихотворения писателя, богослова и гуманиста Эразма Роттердамского (1469-1536), составляющие лишь малую часть его обширнейшего творческого наследия, и латинский стихотворный цикл “Поцелуи” нидерландского поэта Иоанна Секунда (1511-1536), лучшее из корпуса его стихотворных произведений. Из переводов стихотворений Эразма ранее печатались лишь несколько. “Поцелуи” переведены на русский язык впервые.

ISBN 978-5-458-41829-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ганс Гольбейн Младший.
Эразм Роттердамский.
Париж, Лувр

**ЭРАЗМ
РОТТЕРДАМСКИЙ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

БУКОЛИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Страстью безумной Росфам к Гунифольде
 охвачен, в молчанье
Ночи глубокой, один, на своей играя свирели,
Жалобой долгой тревожил неспящие в небе
 созвездья.
Он, вокруг кого лишь недавно забота единая, козы
Мирно бродили, и в гrotах, присмотра не требуя,
 овцы,
Все позабыл: что он выгнал овец, позабыл
 совершенно
Даже глубокою ночью покинутый кров свой
 увидеть,
Но до росы далеко, на мокрой траве распростертый,
Он на печальной свирели о страсти поет
 беспощадной:

10 «О Гунифольда, приди,— мосго исцеленье
 безумья,
Или приди, иль увидишь влюбленного верную
 гибель.
Это Росфам твой зовет, Гунифольда, и гибнет,
 вызывая;
Ты же средь грозных вершин огонь извергающей
 Этны
В нежных объятьях своих Полифема свирепого
 греешь,—
Ах, пусть косматые руки не ранят лилейную шею,

Грубая пусть борода не сотрет подбородок твой
нежный.

О Гунифольда, приди, близ кристальных потоков
с тобою
Мы средь цветущих ветвей отдохнем под зеленою
сенью.

Разве приятно, Росфам, предаваться напрасно
страданьям?

²⁰ Брось, не с таким ведь пристало тебе соперником
спорить.

Это ли спор, хоть бы даже Циклоп головою
огромной
Звезды мог задевать? Пусть сам он это услышит,
Сколь бы ни был громаден, что с ним состязаться
готов я:

Голосом, коль пожелает, а хочет — при звуках
свириели.

Я ведь тоже пасу и овец, и лгнят белоснежных,
Статью Дамет мне уступит, лицом мие уступит
Аминта.

Шея моя не груба, не топорщится бычьей щетиной,
Белая грудь у меня, отличаются нежностью губы,
Что же, безумная, любишь ты этой собаки обятья?

³⁰ Пашешь ты берег, Росфам; погляди, и не слушая
новсе,
Жалобных стонов твоих, убегает прочь Гунифольда.
Что ты надеешься? Пусть он губителем будет
желанья.

Что же ты медлишь? Закончи погибелью долгие
муки.

Эту прими, Гунифольда, любови последнюю жертву.
Смерти жестокой причина, навеки прощай
Гунифольда».

Так он сказал, и пещеры, слова отразив,
разносили.
Роща в ответ,— «Гуифольда»,— зовет, отзывается
небо.

Тут и супруга Титона от глади богини Фетиды,
Мало-помалу всходя на шафранной своей
колеснице,

Стала с небес изгонять темноту поредевшую ночи.
Вот уж и звезды ночные, вершины у гор задевая,
Стали альть наконец от еще не взошедшего
солнца.

Вот и старик, что виски увенчал зеленеющим
миртом,
Радостея, коз молодых на знакомые пастища
гонит,—

Это Дралет, кто годами других пастухов
многолетней;

Лоб у него хоть лишился волос и блестит
обнаженный,
Он, как и Нестор, тройной свой возраст уже
исчисляет.

В старости поздней одна у него,— и покой,
и забота,—

Прямо на шес косматой кручена дудка висела.

Он лишь увидел Росфама, простертого навзничь па
росных
Травах,— с такими словами к влюбленному сам
обратился:

«Что за причина, Росфам, задержала под небом
холодным
Стадо твое и тебя? Почему ты печален и овцы
Вот уж и руна свои намочили росою ночною?»

«Коль это можно, Дралет, о краса пастухов
сицилийских,
То, умереть собирайсь, тебе свою страсть я поверю.
В час, когда солнце вчера перешло за средину
Олимпа,
И огнедышащим зноем иссохшие травы палило,
Я, чтобы не повредил этот зной моим козочкам.
стадо,
Что истомилось от жажды, гоню в затененную
рошу;
Там неожиданно вижу под кроной священного
лавра,
Как Аониды, Наяды, а с ними и девы Дриады
Песне размеренной в тakt, торжествуя, ведут
хороводы.
Нав на свирели своей, Аполлон там играл на
кифаре,
Двигали музыке вслед все, кто там находились,
руками
И танцевали, ногами сминая смиренные травы.
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Шла вместе с ними, прекрасней, чем сами
прекрасные нимфи,
И выделялась, стройна, Гунифольда во всем
хороводе.
Видом — богиня сама и достойна Юпитера ликом.
С ней не сравниться Цитере, кем мальчик рожден
огнеопасный,—
Будь я судьей,— не равняться Диане
прекраснейшей с нею.
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Феб лучезарный насколько превыше сестры
своей, Фебы,

Феба златая насколько Люцифера ликом светлее,
Как засверкавший Люцифер все звезды собой
превосходит,
Так красотой Гунифольда сражает всех девушек-
сверстниц.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Длинные волосы вьются, колеблясь, как темное
злато,

*⁰ Шею из кости слоновой повсюду они обвивают.
Пламень в глазах, ее тело чистейших потоков
нежнее
И белоснежней снегов, и возвышенных звезд
золотистей.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
А посреди хоровода был тот своеизранный
мальчишка,

С нежными щечками он, обнажен и с повязкой
на глазах;
Факелом вооруженный, имел он легчайшие крылья,
Там он присутствовал, став, дерзновенный, в круга
средину.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Вынув стрелы свои из колчана блеставшего, мне
он

*⁰ Грудь, пораженную страстью, пронзил пламеносной
стрелою,
Сердце пронзил, и проник до костей моих яд
раскаленный,
И исступленная страсть проползла в сокровенные
недра.
Да, проползла — от любви непривычно внутри
запылало,

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала
нестерпимой.

И созерцал я пока эти девичьи здесь хороводы,
Феб по последним путям проходил на высоком
Олимпе.

Что было делать? Настало то время, когда
устремились
Козы в ограду свою и бычки в знакомые стойла.
Страстью лихой одержим, я брошу в бездорожии
горных

¹⁰⁰ Пастбищ, в отчаянье тщетном, стеная, зову
Гунифольду.
К ней я напрасно взываю — бежит от зовущего
дева,

Слезы ничто ей мои и ничто ей мои сокрушенья.
Неколебимей она Исмарийских утесов и глуше
Ярого Аспида, в скалах живущего Эtnы высокой,—
Скрылась в ужасной она своего Полифема пещере.

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала
нестерпимой.
Вот, наконец, я назад возвращаюсь, понурое стадо
Следом за мной; и когда никакой не осталось
надежды —

Смерти молю у богов иль, что было б гораздо
приятней;

¹¹⁰ Пусть Гунифольде моей они сменят недобroе
сердце.

2.

ЭЛЕГИЯ О СОПОСТАВЛЕНИИ ГОРЯ
И РАДОСТИ

Пусть удалятся с небес и ненастье, и мрачные тучи,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.

Пусть перестанет вздымать ветер Африк волны
морские,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.

Пусть густолистные кроны Борей колебать
перестанет,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.

Канут тревога и боль, пусть новые радости встанут,
Скорбь и отмщенье уйдут, боль и тревога вдали.

Боль и тревога вдали, что привыкли зеленую
юность

10 Ранее срока пятнать складками старых морщин
Также до срока она приближает тяжкую старость,

Сладкие дни обрывать тоже привыкла она.

Силы она же крадет и мозг у костей пожирает,

А на лице от нее рушится, гибнет краса.

Худшее это безумье из сердца и чувства уносит,

И похищает талант это сквернейшее зло.

Пусть же к Стигийским волнам далеко оно сгинет,
далеко,

В Тартаров хаос пускай канут тревога и боль.

Пусть же радость настанет, что юности красной
пристала,

Нет без нее красоты, нет без нее доброты.

Телу опора, она отдаляет прискорбную дряхлость,
Делает дольше она полные радости дни.

С радостью выше краса и лицо вместе с нею яснее,
С радостью вместе и ум также бывает светлей.

3.

ЭЛЕГИЯ О ВСЕМОГУЩЕЙ ДОБЛЕСТИ
КОЛЧАНОНОСНОГО КУПИДОНА

Знаю, что значит любовь, любовь — помраченье
рассудка,

Этны самой горячей в сердце пылает любовь.
Облик и милый кивок — это пища для нежных
любовей;

Средь поцелуев и ласк глупая всходит любовь.
Нежная прежде любовь пробирается в очи, затем
уж,

В душу внедрившись, мощна, кости пронзает
любовь.

Кости пронзает любовь, и нутро ест тайное пламя,
Жаром своим глубоко недра сжигает любовь.

Недра сжигает любовь и рассудку покой запрещает,
¹⁰ Сон отнимает у нас гибель покоя — любовь.

Не отдыхает любовь, но, победная, если не может
Слитъ у любимых тела — души сливает любовь.
И хоть любовь и одна, два у двух их серда
сочетает.

Чтоб они стали одним,— делает это любовь.
Тот, кто любовью горит, целиком у любимого
в сердце,

Сам он не помнит себя, тот, кто любовью горит.
Тот, кто любовью горит, без любимого сладость
утратил,

Но если снова он здесь — горя не знает любовь.
Всё побеждает любовь: открывает стальные
затворы,
²⁰ Цепи железные рвет, словно солому, любовь.
Да, побеждает любовь, без убийства и крови
сражаясь,